

ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРИАНГАРЬЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ 1990-Х ГГ.

Т. П. Урожаева

Иркутский государственный университет, г. Усть-Илимск, Россия

В 1990-е гг. в Приангарье появились новые проблемы, связанные с рынком труда, спросом на рабочую силу и ее предложением, занятостью и безработицей, их влиянием на заработную плату, с условиями и охраной труда, доходами и уровнем жизни населения, новыми формами регулирования заработной платы, социальным страхованием, социальным партнерством и т.д.

Ключевые слова: монопрофильные города, градообразующие предприятия, трудовые коллективы, права работников.

LABOUR COLLECTIVES OF THE CITY-FORMING ENTERPRISES OF ANGARA REGION IN THE CONDITIONS OF REFORMS OF THE 1990S

T. P. Urozhaeva

Irkutsk State University, Ust-Ilimsk, Russia

In the 1990s, in the Angara region faced with new challenges related to the labour market, labour demand and supply, employment and unemployment, their influence on wages, conditions and protection of labour, income and living standards of the population, new forms of regulation of wages, social insurance, social partnership, etc.

Key words: monoprofile city-forming enterprises, labor groups, the rights of workers.

В советский период для каждого индустриального города региона были характерны свои особенности формирования трудовых ресурсов, определенное соотношение различных организационных форм. К основным формам комплектования трудовых коллективов в монопрофильных городах Восточной Сибири целесообразно отнести: организованный набор, перевод с других предприятий истроек; общественный призыв; направление демобилизованных воинов на стройки и предприятия; прибытие по распределению выпускников системы технического образования; привлечение инженерно-технических работников; переезд в составе коллектива.

К концу 1980-х гг. на территории Иркутской области были созданы уникальные промышленные предприятия, которые по праву можно считать градообразующими: ИркАЗ (Шелехов); Коршуновский горно-обогатительный комбинат (Железногорск-Илимский);

ПО «Саянскимпром» (Саянск), Усть-Илимский лесопромышленный комплекс (Усть-Илимск). Эти производственные объединения работали достаточно эффективно, выполняя государственный заказ. На базе предприятий сложились сплоченные, стабильно работающие коллективы.

Приведем данные о соотношении жителей моногородов с числом работающих на градообразующих предприятиях к концу 1990-х гг. (таблица 1).

В экспериментах конца 1980-х – начала 1990-х гг. с выпуском государственными предприятиями ценных бумаг в акции превращалась часть фонда материального поощрения, образуемого из прибыли. Некоторые предприятия наоборот стремились вырваться из рук министерств и обрести большую хозяйственную самостоятельность.

ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРИАНГАРЬЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ 1990-Х ГГ.

Таблица 1 – Соотношение числа жителей муниципального образования с числом работников градообразующего предприятия в 1999 г.*

Название градообразующего предприятия	Число жителей муниципального образования, тыс. чел	Число работников градообразующего предприятия, тыс. чел	Соотношение работников градообразующего предприятия, в %
ОАО «Лензолото» (г. Бодайбо)	30,9	10,6	34,3
ОАО «Саянск-химпром» (г. Саянск)	97,6	40,2	41,2
ОАО «БЦБК» (г. Байкальск)	46,8	4,3	9,2
ОАО «Коршуновский ГОК» (г. Железногорск-Илимский)	71,9	13	18,1
ОАО «УИ ЛПК» (г. Усть-Илимск)	129	35,2	27,3
Завод «Востсибэлемент» (г. Свирск)	86,2	12,4	14,4
ОАО «СУАЛ филиал ИркутАЗ» (г. Шелехов)	62	10,8	17,4

* Составлено по: [1]

Большинство предприятий Иркутской области (около 80 %) приватизировались по модели, основанной на предоставлении «трудовому коллективу» право приобретения обыкновенных акций, составляющих до 51 % величины уставного капитала. Чтобы достичь компромисса между администрацией и трудовыми коллективами в программу приватизации были включены различные отраслевые программы. В то же время, стремясь создать у населения иллюзию приобщения к слою собственников, Правительство РФ с октября 1992 г. по февраль 1993 г., развернуло задачу «ваучеров» гражданам. Одновременно в

стране возникли чековые инвестиционные фонды.

На основе проведенного анализа практики 1991–1994 г., обоснован вывод о том, что чековая приватизация решала не экономические, а социальные вопросы. Массовая приватизация представляла собой, по сути, крупномасштабный компромисс элиты с большинством населения. Наряду с этим на первом этапе произошло «рассеивание» государственности и были созданы условия для ее последующего перераспределения. Механизмы чековой приватизации изначально не могли привести к созданию массового слоя собственников. В 1992–1994 г. собственность в основном сосредоточилась в руках акционеров-инсайдеров. По мнению главы областной администрации Ю.А. Ножикова, в конце 1994 г. этой группе собственников принадлежало 60 % приватизированной собственности, при этом 15–17 % составляла доля сотрудников администраций и Российского фонда федерального имущества (РФФИ) [2]. Рядовые же работники чаще всего получили всего по несколько акций родного предприятия или небольшие денежные компенсации. В последующем, продав акции по рыночной цене, рядовые акционеры лишались права получения дивидендов.

Приватизация состоялась, однако в дальнейшем трудовым коллективам не удалось отстоять контрольный пакет акций. На денежном этапе приватизации из её участников были окончательно исключены трудовые коллективы. Это было логичным следствием лишения трудящихся в ходе реформ нормальных источников средств существования из-за дезорганизации и разрушения производства. К тому же механизмы «шока» (так называемая либерализация цен с начала января 1992 г. и последующая гиперинфляция) фактически конфисковали сбережения населения и обесценивали его текущие доходы.

Начались хронические задержки выплат заработной платы. В 1995–1996 гг. ситуация настолько осложнилась, что у работников предприятий порой пропадала всякая надежда на улучшение. Показателен случай, произошедший осенью 1996 г. в Саянске. 46-летний Владимир Фадеев, слесарь-монтажник Саянского АО «Горизонт» свел счеты с жизнью, бросившись с крыши заводского корпуса. В кармане самоубийцы были обнаружены две записки. Одна адресована прокурору: «Прошу вас оказать содействие моей жене в получении моей зарплаты за 1995–1996 гг. Другая записка – директору предприятия: «Ты довел меня до края, оста-

вив без зарплаты на год. Так хоть похорони» [3]. Хроническая задержка зарплаты стала бичом для многих жителей городов Приангарья, экономика которых находилась в режиме свободного падения. Люди терпели, ведь безработным стать – было еще хуже.

С октября 1995 г. работники СПАО «Восток» не могли дожидаться выплаты ежемесячной компенсации на детей, зарплату не выдавали в полной мере с ноября месяца. На неоднократные обращения строителей решить вопрос, гендиректор А.П. Сигал не находил ответа кроме следующего: «Денег нет. Их не перечислили заказчики». Безысходность ситуации вынудила более 100 работников СМУ-1 СПАО «Восток» написать письмо губернатору Иркутской области Ю.А. Ножикову с просьбой оказать помощь. Нельзя читать без боли эти строки: «Мы не живем. А существуем. Наши семьи доведены до нищеты, нам нечем платить за квартиры, за д/сады, за лекарства в случае болезни. У нас нет денег для проезда на дачные участки. Многие семьи наших работников, особенно многодетные, уже по-настоящему голодают, ведь цены на продукты постоянно растут [4].

Более оптимистично рассуждали другие работники АО «Саянскимпром». «При всех сложностях с платежами, сбытом, на подъездных путях скопилось 13 вагонов продукции», – констатировал заместитель генерального директора по кадрам и сбыту Дмитрий Черненко. – Ни одно производство не остановили, долгое время никого не увольняли, не отправляли в отпуск без содержания. А люди, особенно кадровые работники, ветераны крепятся, верят, потому, что такое уникальное предприятие нельзя останавливать».

Николай Качалов (мастер электротермического цеха) ностальгирует по прежним временам: «Вспоминается случай: загорелся трансформатор, несколько тонн масла, разлившего по корпусу, воспламенилось. Выгорели все коммуникации. Как тогда мужики работали? День и ночь не уходили со смены. За две недели возродили производство, начали выдавать продукцию. А нынче родители сетуют, что молодежь пошла ленивая, неохотно идет на производство, легче, мол, торговать, добывать средства иными способами».

Лидия Новикова (оператор дистанционного управления электропечью) озабочена тем, что у людей потерялась ответственность за судьбу родного предприятия, города: – «Смотрю иногда на некоторых своих коллег и удивляет, что им всё «до лампочки» – отработал смену, а там хоть потоп, пожар. А ведь

формально мы – хозяева «Химпрома». Раньше у меня, да и, видимо, у многих моих сверстников была определенная цель – заработать максимальную пенсию – 132 руб. Заработал, заслужил и что? Можно ли прожить сейчас на 400 тыс. руб. пенсии, которую я получаю? Не сидится, тревожно...».

Ирина Емельянова (работница электролизного цеха) рассуждала о проблемах молодежи, работающей на предприятии: «Что бы там не говорили, будто сейчас молодые семьи самостоятельные, независимые, а без родителей, их поддержки очень трудно. Вот мы с мужем оба работаем, получаем по теперешним временам вроде сносно, а всё равно обжиться тяжело. На все не хватает – хоть разорвись. Мама говорит: сколько вы можете мыкаться, как цыгане, по квартирам? Муж получил премию за рацпредложение (разработку и внедрение системы комплексного диспетчерского управления КДУ – чертежи, проекты, наладка) около 5 млн. рублей. На ту же сумму я взяла ссуду в «Химпроме» и купили за 12 миллионов однокомнатную квартиру. Зарплата, не ахти какая: у меня в пределах 600 тыс., у мужа – чуть выше миллиона».

Роман Скворцов (электрик) делится своими размышлениями о жизни: «У меня жена тоже работает здесь, в КИПе. Обижаться вроде грешно. Квартира – «хрущевка» есть, дочка учится во втором классе. Пока работаем – не бедствуем. У нас 45 акций, приобретенных за сданные ваучеры и собственные деньги. А чем конкретно владеем, какой собственностью – не знаем. Вот и недавнее собрание акционеров не развеяло сомнений» [5].

Изначально цели приватизации так и не были достигнуты. Не сложились новые, модели поведения, связанные с распоряжением собственностью: доход от собственности, включая ценные бумаги и недвижимость, получали не более 7 % населения. Две трети респондентов оценивали результаты приватизации сугубо негативно, связывая их главным образом с «грабежом» государственной собственности.

Мнение работников Усть-Илимского лесопромышленного комплекса по поводу приватизации и материальных издержек от ее проведения, весьма показательно:

Николай Семенов (варщик-содовщик) приехал в Сибирь с Котласского ЦБК, на пуск молодого предприятия: «Ехал за жильем, за деньгами, – говорит он. – Чтобы жизнь свою устроить. Всё было нормально, если не считать, что тогда, лет 10 назад зарабатывали

хорошо, деньги были, но товары – не всегда купишь. Теперь наоборот: прилавки забиты, а в кармане пусто. На что живем? Занял у того, у другого. Получил – раздал долги».

Сергей Блинов (оператор) высказал мнение по приватизации родного предприятия и положения рабочих: «Продали и проели давно 100 акций ЛПК. С приватизацией получилось авантюра, а может, хотели на нас эксперимент провести. «Менатеп» и другие банки, владеющие акциями концерна, абсолютно ничего за три месяца не заплатили. Если банкиры хотят получать прибыль с ЛПК, пусть руководят, помогают. Нет, выжидают, пугают лесохимиков, управляя из Москвы. Нынешние их заместители – гендиректор А.В. Шевелев и Н.Н. Чекмаев – чувствуют себя на уровне начальников цехов. За каждой мелочью надо обращаться в Москву, получить «добро» у собственника».

Вера Каменских (звеньевая промывного цеха) говорит о серьезных материальных затруднениях рядовых работников предприятия: «Когда находились в административном отпуске, пособие 470 тыс. руб., а некоторых и того меньше. Разве можно на эти деньги прожить на Севере? Если за трехкомнатную квартиру надо ежемесячно платить 283 тыс. руб. На что живем? Перебиваемся, как придется. В прошлом году продали 76 акций, использовали на учебу сына. И в такой ужасной обстановке обидно, что бывшие и нынешние руководители всех звеньев концерна, ЦЗ «заелись», установив себе огромные оклады, строят коттеджи. Приобретают иномарки. Людей такое отношение оскорбляет. Потому они тянутся на митинги, демонстрации, хоть выплеснуть свое негодование».

Нина Лукьянова (зам. начальника склада готовой продукции) выражает мнение ИТР: «В основном выживаем за счет своих дач, запасов муки, сахара. Последние пять лет мало кто из моих знакомых ездил в отпуск, отдыхал на курорте. Теперь это недоступно северянам. Забыла когда покупала себе одежду. Мне многое не по карману, а я получаю 2–2,5 млн. руб., семья – сын-студент. Чтобы отправить его в вуз, всё лето сторожила гаражи, мыла фрукты у кооператора. Я не против новых собственников, если ЛПК для них не кормушка для обогащения. Помню, сколько в прежние времена у работников было всевозможных льгот и поощрений. Отныне ничего нет, всё упразднили, оставив людей наедине со своими заботами, хворями».

Анатолий Храмушев (зам. начальника производственно-диспетчерского отдела ЦЗ) выражает отношение к происходящему на-

чальников подразделений предприятия: «Отрицательно отношусь к тому, что ЛПК стал вотчиной банков, которые скупили акции у работников. Если раньше нас не допускали к управлению предприятием, то сейчас вообще не ведаем, что происходит вокруг него, кто распоряжается уникальной собственностью. Горько, обидно, просвета пока не вижу».

Ирина Методиева (диспетчер Усть-Илимского автотранспортного предприятия «Промстрой») выражала «упаднические» чувства работников автотранспортного предприятия: «Очень сильные последние три-четыре года присутствуют пессимистические настроения в коллективе. Просто-напросто, чем у всех, наши начальники и просто работники еще как-то о прошлом вспоминают, потому что в хорошие времена жили. Всем остальным уже все равно. И мне уже стало все равно» [6].

В 1990-е гг. постепенно нарастала зависимость работников от администрации. В прежние десятилетия эта зависимость была множественной и менее жесткой (от партийных, профсоюзных органов, администрации, общественного контроля, обсуждение поведения на различных «профилактических комиссиях», рабочих собраниях и т.п.). В 1990-е гг. стала очевидной неадекватность оплаты труда, «перекосы» в мотивационной сфере: рост отчуждения и недоверия работников друг к другу, как по вертикали, так и по горизонтали. Наблюдалось падение уровня материальной обеспеченности рядовых работников предприятий в сравнении с 1980 гг., происходило постепенное исчезновение форм и методов «морального стимулирования» (общественного признания трудовых заслуг работника, достигшего высоких результатов). Были подорваны основы нормального развития социально-трудовых отношений. Упадок производства привел к массовой безработице. Процесс обнищания большинства трудящихся привел к большей разнице доходов. Особенностью преобразования социально-трудовых отношений в России в период в 1992–1998 гг. явился излишне быстрый отказ от централизованного управления ими, без создания каких-либо компенсационных (возможно временных) переходных механизмов, что и явилось причиной кризисной ситуации, сложившейся в оплате труда.

Как известно, все юридические лица, начиная свою деятельность, были обязаны регистрироваться в фонде социального страхования и выплачивать в дальнейшем положенные пока 5,4 % от своего фонда оплаты

труда. Это и позволило коллективам всех предприятий и организаций пользоваться вышеозначенными правами. Частные же предприниматели в своем подавляющем большинстве обходили ревизоров соцстраха стороной. Не желали регистрироваться, платить взносы. Хотя взносы эти были необременительны и при условии прозрачности предпринимательского дохода ничуть не сказывались на кошельке бизнесменов.

«Среди предпринимателей Саянска в 1998 г. было немало довольно крупных, имеющих по несколько магазинов и солидные штаты работников. Но никто, по крайней мере, 99 % из них, не оплачивали подчиненным листки нетрудоспособности. Не можешь работать, родила ребенка – «скатертью дорога». И люди были вынуждены идти на эти условия. Податься некуда, без куска заработанного хлеба не проживешь», – констатировала ревизор Саянского филиала фонда социального страхования О.М. Шиманович [7].

Задержки заработной платы стали привычным явлением. В связи с убыточностью большинства предприятий и дефицитностью бюджетов хроническая задолженность перед работниками предприятий и организаций оставалась трудно устранимой. Все предыдущие атаки на этом фронте приносили лишь кратковременный успех: снижаясь в конце – начале года, задолженность возрастала вновь. Однако с октября 1998 г. наметилась устойчивая тенденция к снижению, которая сохранялась на протяжении девяти месяцев. За это время долги по заработной плате сократились на 1,2 млрд. руб., или на 39 %, продолжительность невыплат – с 4,4 до 3,4 мес. [8].

Задолженность по заработной плате бюджетникам в феврале 1999 г. составляла в Саянске 17,4 млн. руб., и не было никаких гарантий, что удастся ее погасить. Иным работникам причиталось выплатить по 30 и более тыс. руб. «Живых» денег взять было негде, но можно было попытаться пойти другим путем – продать в счет этих долгов муниципальное имущество. Так и поступили в городе. Фонд собственности начал выставлять на закрытые аукционы освободившиеся по разным причинам квартиры. Первые торги прошли в комитете по социальной защите населения [9].

По данным областного комитета государственной статистики, в 2000 г. в Иркутской области задолженность по зарплате несколько уменьшилась. Итоги первого полугодия свидетельствовали о том, что в отраслях производственной сферы долги по зарплате

уменьшились на 11 %. Между тем некоторые отрасли – коммунальное хозяйство и транспорт – не вписываются в общую благополучную картину: они нарастили долги на 4,7 и 2,3 % соответственно. По долгам работникам коммунального хозяйства лидировал Бодайбо. Основная причина невыплат – отсутствие финансирования из муниципального бюджета. Долги транспортникам наращивались в Шелехове, Усть-Илимске, Саянске, Байкальске. Это происходило в первую очередь из-за отсутствия собственных средств на счетах предприятий [10].

Задолженность по заработной плате, которая с 1995 г. росла большими темпами, начала сокращаться только к концу 1999 г. Одновременно происходило сокращение числа фиксируемых индустриальных конфликтов. На рубеже нового тысячелетия экономический спад сменился подъемом, а протестные действия пошли на убыль. Такие явления, как административные отпуска, работа неполное рабочее время и невыплаты заработной платы перестали носить массовый характер, и хотя говорить о радикальных сдвигах в положении наемных работников было преждевременно, позитивные изменения на рынке труда привели к некоторому росту уверенности и защищенности работающего населения.

В 2000 г. задолженность по заработной плате в Приангарье имела хронический характер. В 2001 г. использование всех резервов позволили снизить долг перед работниками на 128 млн. руб. (на 14 %). При этом долг, возникший из-за отсутствия средств на расчетных счетах предприятий, снизился на 8 %. А неплатежи по причине бюджетного недофинансирования сократились ощутимее – на 38 %. Новый год педагоги и медики, работники культуры и искусства встречали в надежде на скорое решение вопроса: оставшийся долг был невелик, от половины до 80 % месячной зарплаты.

Однако повышение зарплаты бюджетникам в конце 2001 г. усугубило ситуацию, перечеркнув достигнутые результаты. В то время как предприятия производственной сферы, оплачивающие труд своих работников из собственных средств, продолжали, хоть и медленно, погашать скопившийся долг (за январь-июнь снижение на 5 %), бюджетная система не в силах справиться с данной проблемой [11].

В социально-экономическом плане регион Приангарья отличала большая, чем в среднем по России, доля отраслей материального производства, довольно высокий

уровень отраслей по добыче сырья, его переработке и это обуславливало то обстоятельство, что в структуре трудовых ресурсов наибольшая часть была занята в этих отраслях. В регионе практически не было отраслей, связанных, со сложным и точным машиностроением, его отраслями. Немалая доля отраслей военно-промышленного комплекса, абсолютное сокращение ее объемов создавало дополнительные, по сравнению с другими регионами, проблемы на рынке труда.

Анализ состояния дел по переподготовке рабочих кадров на предприятиях Восточной Сибири позволяет сделать вывод о том, что начиная с 1990-х гг. происходило существенное снижение активности этой работы по всем параметрам – численности, качества, переподготовки, материальных и денежных затрат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грицких Н.В. Интеграция социума с производством как предмет комплексного социологического анализа (на примере градообразующих предприятий Иркутской области) // Современные наукоемкие технологии. – 2008. – № 2. С.12–13.

2. Ножиков Ю. Москва вновь потянулась к чужому каравану: интервью с губернатором Иркутской области Ю.А. Ножиковым //Восточно-Сибирская правда. – 1995. – 25 октября. – С. 1.

3. Нужда столкнула // Саянские зори. – 1996. – 2 октября. – С. 1.

4. Житов К. Вместо зарплаты – подачки //Приокская правда. – 1996. – 23 июля. – С.1.

5. Живем, пока труба дымит (мнение работников ПО «Саянскимпрома») //Приокская правда. – 1996. – 25 мая. – С. 5.

6. Рабочие своего слова не сказали // Усть-Илимская правда. – 1996. – 10 ноября. – С. 3.

7. Волков Н. Зарплата – не пособие на бедность: Пленум областного совета профсоюзов о проблеме обеспечения зарплаты в Иркутской области // Восточно-Сибирская правда. – 1999. – 7 апреля. – С. 3.

8. Основные тенденции уровня жизни населения России в 1999 году: В приложении содержатся сведения об уровне преступности и среднедушевых денежных доходах населения в 1998 г. в Иркутской области //Власть. – 1999. – № 11. – С. 52–53.

9. Закрытые аукционы // Саянские зори. – 1999. – 24 февраля. – С. 1.

10. Долги по зарплате сокращаются // СМ-номер один. – 2000. – 18 июля. – С. 2.

11. Снова выросли долги //СМ-номер один. – 2002. – 23 июля. – С. 2.

Урожаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук

*Иркутский государственный университет,
г. Усть-Илимск, Россия*